

Научная статья
УДК 94(47):316.343.37

Трансформация социально-экономического положения русского крестьянства в процессе централизации Русского государства

Степашин Г. В.^{1, 2}

Научный руководитель: Васильева А. В.¹, канд. ист. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² stepashin@ro.ru

Аннотация: Период XIII — XVI вв. стал временем фундаментальных перемен для русского крестьянства, ознаменовавшимся переходом от относительно свободного существования к систематической эксплуатации и юридическому закреплению. Статья посвящена анализу взаимосвязи политических и экономических событий в государстве, влиявших на уровень и качество жизни крестьянина. Исследование показывает, что начальный этап, приходящийся на XIII–XIV вв., характеризовался уникальным сочетанием факторов, создавшего временный "золотой век" для крестьянства. Ослабление местной власти, возможность свободного доступа к нетронутым землям и эффективная, основанная на избытке ресурсов, экономическая модель позволили крестьянским общинам достичь высокого уровня автономии и благосостояния. Однако к XV веку накопленные демографические и экологические проблемы, совпавшие с необходимостью перехода к новой форме хозяйства, спровоцировали глубокий кризис, который лег в основу последующих процессов усиления контроля со стороны государства и феодалов.

Ключевые слова: *крестьянство, быт, повседневность, централизация*

Transformation of the Socioeconomic Situation of the Russian Peasantry during the Centralization of the Russian State

Stepashin G. V.^{1, 2}

Scientific supervisor: Vasilyeva A. V.¹, Cand. Sc. (History)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technology, Omsk, Russia.

² stepashin@ro.ru

Abstract: The period from the 13th to the 16th centuries was a time of fundamental change for the Russian peasantry, marked by the transition from a relatively free existence to systematic exploitation and legal enslavement. This article analyzes

the interrelationships between political and economic events in the state that influenced the standard of living and quality of life of the peasantry. The study demonstrates that the initial stage, from the 13th to the 14th centuries, was characterized by a unique combination of factors that created a temporary "golden age" for the peasantry. The weakening of local authority, free access to untouched lands, and an efficient economic model based on resource surpluses enabled peasant communities to achieve a high level of autonomy and prosperity. However, by the 15th century, accumulated demographic and environmental problems, coupled with the need to transition to a new form of economy, triggered a profound crisis that laid the foundation for subsequent processes of increased control by the state and feudal lords.

Keywords: *peasantry, everyday life, daily routine, centralization*

Введение

Статья анализирует трансформацию социально-экономического положения русского крестьянства на Руси в период централизации — от конца XIII века (феодалная раздробленность) до эпохи Ивана Грозного (середина XVI в.), фокусируясь на изменениях быта и экономического положения русского крестьянства в меняющейся политической ситуации.

Цель статьи: выявить качественные изменения уровня жизни и бытовых условий крестьянства при переходе от относительно свободных форм ведения земледельческого хозяйства к формам, связанным с феодальной эксплуатацией (закрепленной прежде всего Судебниками 1497 и 1550 гг.), используя сравнительно-исторический метод с привлечением сведений из литературных (в том числе летописных) источников, нормативных актов и археологических данных через призму истории повседневности. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: исследовать эволюцию крестьянских хозяйств; описать отдельные аспекты повседневного быта крестьян, выявляя влияние изменяющихся феодальных отношений на их культурные и экономические практики.

Проблема эволюции социально-экономического положения русского крестьянства в период формирования централизованного государства традиционно рассматривается в рамках истории феодализма и политогенеза Руси [2]. Значимый вклад в изучение макроэкономических и демографических факторов внес С.А. Нефедов, показавший, что рост населения и ограниченность свободных земель в XV–XVI вв. привели к снижению уровня потребления основной массы населения и стали одной из предпосылок закрепощения [10]. Наряду с этим исследования Э.С. Кульпина [6] и других авторов акцентируют роль социально-экологического кризиса XV века и климатического фактора (малый ледниковый период) в трансформации аграрной системы и усилении зависимости крестьянства. Историография повседневного мира русского крестьянина сформировалась на стыке социальной истории и археологии. Работы Б.А. Рыбакова [14; 15], М.Г. Рабиновича [13], Н.А. Горской [2] и коллектива авторов сборника «Древняя Русь. Быт и культура» реконструируют жилище, материальную культуру и элементы хозяйственного уклада, однако, как правило, трактуют их эволюцию в более широких хронологических рамках, не

всегда связывая изменения быта с конкретными этапами централизации власти. Исследования Л.Г. Степановой [16] фокусируются на рационе питания и калорийности крестьянского рациона в XVI в., демонстрируя масштаб деградации уровня жизни, но их связь с процессами политической централизации и правовым ограничением мобильности крестьянства обозначена лишь пунктирно. Современные обобщающие работы по истории русского централизованного государства подчеркивают, что укрепление великокняжеской власти и оформление сословно-представительной монархии сопровождались институциональным закреплением крепостнических тенденций, однако чаще всего остаются на уровне политико-правового анализа, не погружаясь в конкретные изменения крестьянского быта и повседневности [напр., 4; 7; 8].

Научная новизна исследования заключается в том, что оно связывает политическую централизацию, демографические и климатические изменения с конкретными, «бытовыми» параметрами жизни крестьянина: жильём, питанием, уровнем автономии и формами зависимости. В отличие от работ, где крестьянство описывается в основном через налоги и юридический статус, здесь показано, как переход от подсечно-огневого хозяйства к пашенному, усиление фискального давления и реформы, связанные с централизацией позднесредневекового государства, последовательно меняли повседневный опыт крестьян — от относительного благополучия и свободы передвижения к хроническому дефициту ресурсов и фактическому закрепощению.

Ключевым фактором, определившим первоначальное положение крестьянства, стала сложная политическая ситуация, сложившаяся на Руси в XIII веке. Феодалная раздробленность княжеств привела к ослаблению власти местных правителей, что стало побудительным мотивом для массового бегства крестьян от обременительного контроля и повинностей [6, с.35]. Это явление способствовало активной колонизации новых, ранее не освоенных земель, особенно на востоке и северо-востоке Руси. Колонизация осуществлялась преимущественно крестьянскими общинами, которые создавали новые селения на окраинах государственных владений [там же]. Монгольское нашествие и последующее иго оказались менее тягостными именно для этих малочисленных и бедных селений, созданных в ходе колонизации [6; 9]. Таким образом, ослабление княжеской власти и специфика воздействия внешних факторов создали уникальную ситуацию, когда крестьяне получили фактическую независимость и возможность самостоятельно решать вопросы землепользования. Весьма показательно, что городское население в это время составляло лишь 0,1% от общего числа жителей страны, что свидетельствует о доминировании сельского населения и его значении для экономики [7, с. 140; 4, с. 157; 6, с.36].

Экономической основой существования крестьянской общины на протяжении столетий было подсечно-огневое земледелие. Эта аграрная техника представляла собой не просто способ ведения хозяйства, а целостную и сложную модель, требовавшую от крестьян практических знаний о лесе: о типах растительности, свойствах почв, распределении вод на местности и прочих

микrokлиматических особенностях. При этом территория, контролируемая общиной, могла быть не более 50 километров от жилищ, но при этом и на большом расстоянии, и от остальных поселений, что затрудняло внешний контроль над ней со стороны феодалов или центральной власти [6, с.36].

Главным экономическим преимуществом подсечно-огневого земледелия была высокая урожайность на десятине («подсеке»). Она соответствовала хорошему или даже максимальному урожаю на десятине «традиционной» пашни, что служило своеобразной страховкой от неурожая и обеспечивало семье запас прочности [там же]. Именно благодаря этому механизму можно говорить о благополучном существовании и относительно «сытом» быте крестьян в тот период. Отсутствие дефицита плодородных земель и полная свобода землепользования стали решающими факторами, позволившими населению Руси вырасти практически вдвое [6, с.38].

Однако к XV веку начались события, которые привели к системному ухудшению положения крестьянства и стали точкой невозврата. Во-первых, это был демографический взрыв, вызванный предыдущим благополучием — благодаря хорошему питанию и относительно мирному существованию население Руси, по всей видимости, выросло почти в два раза. Высокие темпы роста населения привели к исчерпанию возможностей подсечно-огневого земледелия, которое требовало больших земельных площадей и активных передвижений по сравнению с более интенсивным и привязанным к месту пашенным хозяйством. Во-вторых, на этом фоне произошел климатический сдвиг — начался период малого ледникового периода, который спровоцировал хозяйственный кризис [6, с.39-40]. Для сохранения уровня продовольствия и зерновых запасов крестьянство было вынуждено переходить на пашенное земледелие, известное как «великая русская распашка» [там же]. Этот переход имел катастрофические последствия: производство зерновых культур снизилось в 3–5 раз [там же]. Новая форма хозяйства требовала большей концентрации труда и постоянного контроля за землей, что стало возможным лишь при наличии достаточно сильной централизованной власти. При этом пашенное земледелие было гораздо менее устойчиво к неурожаям, чем подсечное, при такой системе чаще случались голодные годы, что еще больше обостряло проблему продовольствия.

В условиях этого комплексного кризиса начался процесс усиления институтов эксплуатации. Одним из ключевых игроков на этом поле стали монастыри. Они начали активно завладевать землями и крестьянами, становясь крупнейшими землевладельцами. Присваивая себе лучшие земли и усиливая эксплуатацию, они лишали "черное крестьянство" последнего защитника, который мог бы противостоять произволу светской власти [6, с.41 — 44]. Таким образом, XV век стал переломным моментом, когда начался системный процесс консолидации земель в руках крупных собственников и утрата крестьянской общины своей автономии. Свобода миграции, которая ранее была естественным правом, стало ограничением, а зависимость — нормой. Этот фундаментальный сдвиг в экономической парадигме подготовил почву для последующего

законодательного оформления зависимости крестьянства, которое станет одной из центральных тем следующего столетия.

Помня эту канву событий в целом, рассмотрим изменение уровня жизни и особенности быта крестьян в указанный период.

Анализ материальной культуры крестьянства периода с XIII по XVI век позволяет наглядно проследить эволюцию его быта, отражающую общие социально-экономические изменения. Конструкция жилища, одежды и предметов домашнего обихода свидетельствуют не только о технологическом уровне и доступных материалах, но и о социальном положении и образе жизни крестьянской семьи. В рассматриваемый период происходили заметные, хотя и не всегда радикальные, изменения, отражавшие переход от самодостаточной общинной модели к более зависимому, интегрированному в систему феодального хозяйства. Изучение этих аспектов быта, в первую очередь проводившееся исследователями Б.А. Рыбаковым, Вернадский В. Н., Горская Н. А., Колчин Б.А., Рабинович М.Б., Степанова Л.Г., дает представление о том, как менялась повседневная жизнь простого человека.

Центральным элементом крестьянского быта было жилище — изба. Его конструкция и внутреннее устройство были тесно связаны с хозяйственной деятельностью и природными условиями региона. В южных и центральных районах Руси, где преобладали сухие черноземные почвы, наиболее распространенным типом жилища были землянки — помещения, углубленные в грунт на 0,5–1 метр [14]. Такая конструкция обеспечивала теплоизоляцию и сохранение прохлады летом. Однако при переходе в лесную зону, где почвы были влажными, такой тип жилья был непригоден. Здесь стали строить срубы на подклете — возвышении из камня или дерева, что позволяло избежать контакта деревянных стен с сырой землей и продлить срок их службы [12]. Наиболее распространенным и типичным для многих регионов был трехчастный сруб, состоящий из трех основных помещений: жилого клета, переходного пространства сеней и хозяйственного клета [там же]. Эта планировка была крайне функциональна. Жилой клеть служил основным жилым пространством, где располагались лавки, а вдоль них спали члены семьи. Сени выполняли роль температурного барьера, минимизируя теплопотери при переходе между помещениями. Хозяйственный клеть использовался для хранения инвентаря и скота. Размеры типовой избы составляли около 24 квадратных метров, а высота потолков не превышала 2–2,5 метра [12; 14]. Стены сруба конопатились мхом и глиной для уплотнения швов, а полы чаще всего были земляными, что также способствовало терморегуляции. Такая конструкция была простой в исполнении, но эффективной для создания комфортного микроклимата в суровых русских условиях. К тому же на постройку такой избы не уходило много ресурсов, позволить жильё могла каждая молодая семья.

Центральным элементом избы была печь, которая выполняла сразу несколько важнейших функций. Это была не просто печь, а многофункциональный узел быта. Глинобитная конструкция размером примерно 1,5 на 2 метра в основании и высотой до потолка топилась «по-черному», то есть без дымовой тяги, с выходом дыма через волоковое окно или

дверной проем [12]. Такая система тления обеспечивала длительное и равномерное распределение тепла. Дым, медленно выходя из-под потолка, не только согревал помещение, но и обладал антисептическими свойствами, помогая бороться с паразитами. Печь служила источником тепла, местом для приготовления пищи и даже спальным местом. Внутренняя планировка избы была строго обусловлена этой центральной конструкцией. Вдоль стен вдоль стен располагались лавки, а в красном углу, расположенном напротив входа, находился «красный» угол с иконами и столом [12]. Особое место в избе занимали полаты — деревянный настил, возвышающийся на 1–2 метра над полом. Полаты служили спальным местом для взрослых и детей, а также хранилищем ценных вещей. Эта трехчастная планировка с центральной печью и полатами представляла собой зрелую форму крестьянского жилища, сложившуюся к XIV-XV векам и сохранившуюся с незначительными изменениями на многие столетия вперед [14].

Одежда крестьян была изготовлена преимущественно из натуральных материалов, доступных в домашнем хозяйстве — льна и шерсти [12, с.93]. Это свидетельствует о развитой домашней промышленности, включающей выращивание льна, овцеводство и ткачество. Мужской костюм был прост и функционален. Его основой была туникообразная рубаха, обычно белого цвета, изготовленная из льняной ткани и доходящая до середины бедра. Рубаха носилась с узким поясом, поверх которой могли быть повязаны штаны того же материала. Верхней одеждой служил зипун — кафтан длиной до колен, сшитый из грубого сукна. В холодный сезон поверх зипуна надевался более свободный и теплый кафтан из того же материала, называвшийся свитой [12, с.95]. Женский костюм также состоял из рубахи, но она была длиннее и имела расширенные рукава. Поверх рубахи на женщин надевалась понева — прямая юбка без швов, плотно облегающая фигуру и повязываемая тесьмой на талии. Передник, изготовленный из яркой ткани, служил не только для защиты одежды от загрязнений, но и являлся важным элементом украшения [12, с.93]. Замужняя женщина обязана была носить головной убор — кокошник или простой платок, который полностью скрывал волосы, что было знаком ее семейного положения [12, с.97]. Обувь была простой и недорогой. Летом крестьяне носили лапти, которые быстро изготавливались в домашних условиях из луба или бересты. Зимой основной зимней обувью служили валенки.

Предметы быта крестьянина, такие как посуда, мебель и сельскохозяйственные орудия, также были максимально простыми и легко повторяемыми. Посуда была преимущественно глиняной или деревянной. Мебель была минимальной: лавки вдоль стен, возможно, низкие столы. Все предметы были сделаны своими руками, что говорит о высокой степени самодостаточности крестьянского хозяйства. Важным элементом быта были предметы для приготовления пищи и хранения продуктов, включая большие деревянные бочки, глиняные кувшины и горшки.

Жилище, одежда и предметы обихода были не просто фоном для жизни, а ее активной частью, отражая как достижения в ремесле, так и социальные реалии, связанные с уровнем производства и степенью эксплуатации.

Питание, уровень и качество жизни

Питание является одним из наиболее показательных индикаторов уровня жизни и благосостояния общества. Анализ диеты русского крестьянина в период с XIII по XVI век выявляет одну из самых резких тенденций в истории его быта — переход от относительно сбалансированного питания к состоянию хронического недоедания и пищевого кризиса. Этот процесс был вызван комплексом причин, включая демографический рост, экологические изменения и усиление экономической эксплуатации. Данные, основанные на работах историков, таких как Л.Г. Степанова, и анализе калорийности рациона, проведенные Б.А. Рыбаковым, позволяют количественно и качественно оценить эту деградацию. Разрыв между питанием крестьянина и представителями высших сословий достигает колоссальных масштабов, концентрируя в себе всю суть социального расслоения и экономического давления, которому подвергалось крестьянство в процессе централизации государства.

В начале рассматриваемого периода, в XIII-XIV веках, когда крестьянство жило в основном за счет подсечно-огневого земледелия, рацион его было достаточно разнообразным и зависел от доступных ресурсов. Основой питания был ржаной хлеб, который готовился из муки, смешанной с отрубями [18]. Кроме того, широкое распространение имел овес, который употреблялся в виде лепешек и жидких каш. Вероятно, из опыта исследования рациона европейских крестьян, активно использовались дикie травы и ягоды. Крестьянская семья соблюдала православные посты, которые предписывали воздержание от мяса и животных продуктов. Разнообразие рациона обеспечивалось за счет даров природы, рыбной ловли и огородничества. Кушанья дополнялись мелкой рыбой (ерши, окуни, корюшки), капустой, репой и большим количеством различных ягод, например, брусники в Водской пятине [18]. Основными напитками, составлявшими основу рациона, были пиво и квас. Такой рацион, хоть и был простым, обеспечивал организм необходимыми питательными веществами и был адаптирован к условиям натурального хозяйства.

Однако к XV-XVI векам, после начала «великой русской распашки» и связанного с ней хозяйственного кризиса, положение кардинально изменилось [6, с. 35]. Произошла не просто смена продуктов, а качественная деградация всего рациона. Крестьянин стал все больше зависеть от ограниченного набора продуктов, а в годы неурожая его питание превращалось в борьбу за выживание. Исследования Степановой Л.Г., основанные на расчетах, дают четкое представление о масштабах пищевого дефицита. При средней урожайности, составлявшей около 14,5 пуда зерна на семью (примерно 237 кг), после всех обязательных отчислений (налоги, оброк, семенной фонд) и учета потребностей скота, на долю каждого члена семьи оставалось всего 75–80 кг зерна в год. Это составляет всего 200–220 граммов зерна на человека в день, что является критически низким показателем. В урожайный год суточная калорийность рациона крестьянского мужчины достигала 980–1200 ккал, что в два раза ниже современной нормы. К концу зимы, когда запасы истощались, калорийность падала до 900–1100 ккал, а в годы неурожая или во время голода

она могла опускаться до 430–700 ккал, что было недостаточно для поддержания трудоспособности [18].

В самые тяжелые периоды, когда хлебных запасов не оставалось совсем, крестьяне прибегали к самым крайним мерам. В хлеб начинали добавлять примеси, чтобы увеличить его объем. В голодные годы в тесто могло входить до 30–35% толченой коры деревьев и травы. Щи становились еще более скудными, а само их количество сокращалось. Возрастала зависимость от таких продуктов, как мелкая рыба и ягоды. В особо тяжелые годы люди были вынуждены питаться вареными листьями крапивы, лебеды и коры деревьев. Для экономии муки готовилась так называемая «пушная» выпечка — смесь из измельченной лебеды, крапивы, коры деревьев и соломы с минимальным количеством муки [18].

Для сравнения, меню представителей знати, описанное в источниках, выглядит совершенно иначе [там же]. Князья и бояре питались белым пшеничным хлебом (по 500–700 граммов в день), употребляли мясо птицы, говядину или баранину (по 200–300 граммов), рыбу (100–200 граммов), а также молочные продукты с добавлением сливочного масла (50–100 граммов). Их рацион дополняли пряности, такие как имбирь, гвоздика и черный перец, и дорогие напитки, вроде вина или крепкого медового пива. Такая диета обеспечивала суточную калорийность в 2500–3500 ккал. Эта очень значительная разница в питании демонстрирует фундаментальное разделение двух миров, где один мир эксплуатирует другой, концентрируя в себе всю суть социального расслоения и экономического давления, которое централизующееся государство оказывало на крестьянское хозяйство.

Для подведения итога разделу следовало бы, конечно, указать на среднюю продолжительность жизни людей Средневековой Руси. Однако точными данными мы пока не обладаем. Судя по литературным источникам, социальная и биологическая старость в средневековье наступала в 40–50 лет, однако такие упоминания относятся к жизни князей, и редко кто из них доживал до привычных нам 70 и более лет. У крестьян же, жизнь которых была значительно тяжелее и куда более скудной, очевидно, продолжительность её была короче [16].

Социальные конфликты и первые формы законодательного регулирования

Пищевой кризис и утрата земли уже сами по себе не могли не приводить к росту социальной напряженности и массовым волнениям. Политика централизации и связанное с ней усиление давления на население в XV веке, в период «великой русской распахки» и кризиса, делают крестьянские восстания частым явлением, как бы добавляя «последнюю каплю» [19, с.304]. Эти конфликты часто имели локальный характер, но их анализ, в частности на примере восстания Степанко 1418 года в Новгороде, позволяет понять механизмы, порождавшие социальное недовольство, и попытки властей найти ответ на него [1, с.178]. Параллельно с этим, усиливающееся давление со стороны феодалов и монастырей, а также растущая зависимость крестьянства заставили центральную власть задуматься о необходимости нормативного регулирования их положения. Эти попытки, начавшиеся еще в XIV–XV веках, заложили основу для будущего законодательного закрепощения.

Одним из показательных примеров социальных конфликтов того времени является восстание Степанко в Новгороде в 1418 году. Этот случай не был простым разбоем или погромом; он ярко продемонстрировал острые проблемы, стоявшие перед «черными» (свободными) крестьянами. Причиной восстания послужил не только общий голод, но и специфический механизм эксплуатации, порожденный денежной реформой. Предшествовавшие денежные реформы 1410 и 1417 годов, унифицировавшие денежную систему, неожиданно для крестьян побудили государство и бояр взыскивать с них оброк не натурой (зерно, скот), а деньгами [1, с.182]. Крестьянин, привыкший к натуральному хозяйству, был вынужден продавать свой хлеб на рынке по заниженным ценам, чтобы собрать необходимую сумму. Это приводило к тому, что многие из них становились должниками, то есть «серебряниками» [1, с.182]. Ситуация усугубилась голодом 1417 года, который привел к массовой смертности. Выжившие крестьяне, лишившись запасов, брали хлеб в долг у бояр и монастырей, которые вместо бесплатной раздачи запасов завышали цены и ужесточали условия кредитования. Таким образом, крестьянин оказался в ловушке: он был обязан деньгами, а при первом же неурожае — и долгом. Искрой, которая подожгла пороховую бочку, стал личный конфликт между крестьянином Степанко и боярином Даниилом Божиным. По некоторым данным, Степанко сбросил боярина с моста, совершив акт народного возмездия. Этот поступок сделал его народным героем [1, с.195]. После этого Степанко был схвачен другим боярином, Даниилом, и подвергнут пыткам. Весть об этом быстро разнеслась по городу, и народ, собравшись на Ярославовом дворище, пришел на помощь Степанко. Их требования были вполне конкретными: разгромить дом боярина, сжечь его и уничтожить долговые расписки и кабальные договоры. Это движение было направлено не против власти как таковой, а против самой системы кабальной зависимости и бесправия. Однако, несмотря на массовый подъем, восстание было подавлено. Царский наместник поспешил помиловать Степанко и его сторонников, объявив о прощении. Но социальные требования, которые выдвигали бунтующие, не были выполнены.

В ответ на растущую зависимость и бегство крестьян, а также на угрозу нехватки рабочей силы на вотчинных и призванных землях, централизующееся Московское княжество начало разрабатывать нормативные акты, направленные на ограничение мобильности крестьян. Первым шагом в этом направлении стал Судебник 1497 года, принятый при Иване III. Он ввел так называемый Юрьев день (26 октября) как единственный день в году, когда крестьянин мог уйти от своего господина в свободный переход. Для этого он должен был уплатить «пожилое» — определенную плату — и оставить урожай, уже поднятый с земли [13]. На первый взгляд, это могло показаться справедливой компромиссной мерой, но на деле это стало началом формального закрепощения. Во-первых, эта норма была распространена на всех крестьян, как монастырских, так и светских, что свидетельствует о системном подходе законодателя [13]. Во-вторых, она официально ограничила право на свободу передвижения, заменив его правом на выкуп. В-третьих, вводились так называемые «заповедные лета» — временные меры, запрещающие свободный переход в Юрьев день на срок до 5 лет. Хотя эти

меры изначально рассматривались как чрезвычайные и временные, они стали постоянным инструментом контроля над крестьянством. Таким образом, законодательство XV века стало отражением реальной ситуации: государство, стремясь к объединению и укреплению власти в пределах территории, предпочло достигать централизации за счёт ограничения прав населения, что и легитимизировало процесс закрепощения.

Решающим шагом, который превратил крестьянство из категории «зависимых» в категорию «крепостных», стало введение так называемых «заповедных лет» на всей территории государства в 1581 году уже при первом абсолютном монархе Руси – Иване IV. Эта мера была принята на фоне тяжелого кризиса: проигрыша в Ливонской войне, экономического спада и угрозы нехватки населения и рабочей силы на вотчинах [10]. Однако ключевым событием, предшествовавшим этому, стала перепись населения, начавшаяся в 1580 году [там же]. Перепись была инструментом для регистрации всех людей и их закрепления на земле. С этого момента крестьянин, бежавший с земли, не мог вернуть себе свободу, так как Юрьев день был закрыт для него постоянно. Он становился полноценным крепостным, и его право на уход зависело уже не от законодательства, а от воли помещика. Закрепощение было полным, так как даже возможность выкупа у господина, если она и существовала теоретически, стала недоступной для большинства крестьян из-за огромных сумм, которые требовались за это. Таким образом, законодательный процесс, начавшийся Судебником 1497 года, достиг своего логического завершения в конце XVI — начале XVII века, превратив крестьянство в основной объект эксплуатации в рамках нового крепостнического уклада.

Таким образом, анализ положения русского крестьянства в период с XIII по XVI век выявляет сложный и многогранный процесс, который можно охарактеризовать как путь от относительной свободы и достаточно высокого качества жизни к полному юридическому закрепощению и снижению этого качества. Вывод кажется контринтуитивным, поскольку, безусловно, централизация государства имеет свои преимущества, ведь объединение земель вокруг Москвы создавало условия для экономического роста и повышения товарности, а также для укрепления правопорядка. С другой стороны, именно централизующаяся власть, столкнувшись с задачами финансирования войн, строительства и укрепления своей власти, стала главным двигателем процесса закрепощения.

Проведённый анализ показал, что в начале изучаемого периода русское крестьянство переживало относительно благополучный этап: подсечно-огневое земледелие, избыток свободных земель и слабый контроль со стороны власти обеспечивали более высокий уровень автономии и материальной обеспеченности. Социально-экологический кризис XV века, демографический рост и переход к пашенному земледелию радикально изменили эту ситуацию, сделав крестьян особенно уязвимыми к неурожаю, голоду и усилению фискального давления. В условиях формирования централизованного государства экономические и правовые механизмы контроля — от ограничения мобильности до введения «заповедных лет» — закрепили уже сложившуюся

зависимость, превратив крестьянство к концу XVI века в основной объект эксплуатации. Таким образом, централизация Русского государства выступила не только политическим и территориальным процессом, но и ключевым фактором глубокой трансформации крестьянского быта: от относительной свободы и «золотого века» к хроническому дефициту ресурсов и юридическому закреплению.

Библиографический список

1. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке / отв. ред. И.И. Смирнов. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. 396 с. URL: <https://djvu.online/file/b24LkZNuLy9iX?ysclid=mlw17b2c3v382214465> (дата обращения: 23.02.2026).
2. Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 360 с. URL: https://books.google.ru/books/about/Русская_феодальная_де.html?id=MWm1AAA-AIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 23.02.2026).
3. Козленко С.Г. Финансовое управление и развитие денежного обращения в Древней Руси и её реформирование: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13 / Козленко С.Г.; [Место защиты: Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики]. Москва, 2007. 142 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/finansovoe-upravlenie-i-razvitie-denezhnogo-obrashcheniya-v-drevnei-rusi-i-ee-reformirovanie> (дата обращения: 23.02.2026).
4. Колчин Б.А. (отв. ред.). Древняя Русь. Быт и культура: [археол. ист. очерки] / отв. ред. Б.А. Колчин, Т.А. Квашонкина. Москва: Наука, 1997. 383 с. (Археология СССР). URL: https://archive.org/details/quot_Drevnyaya_Rus_Byt_i_Kultura_quot_B_A_Rybakov/page/n25/mode/2up (дата обращения: 23.02.2026).
5. Кулешов В.С. Система экономических оснований древнерусского политогенеза (середина VIII - начало XI в.) // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ekonomicheskikh-osnovaniy-drevnerusskogo-politogeneza-seredina-viii-nachalo-xi-v> (дата обращения: 23.02.2026).
6. Кульпин Э.С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // Хрестоматия по руссиеведению. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekologicheskiy-krizis-xv-veka-i-stanovlenie-rossiyskoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 23.02.2026).
7. Ларионов А.Н. Структура Русского общества периода централизации // Пространство экономики. 2013. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-russkogo-obschestva-perioda-tsentralizatsii> (дата обращения: 23.02.2026).
8. Лотов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Пространство экономики. 2004. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-sobstvennost-v-srednevekovoy-rossii> (дата обращения: 23.02.2026).
9. Неоронов А.П. Национальный костюм центральной Руси в период формирования единого русского государства как выражение российских

цивилизационных особенностей: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Неоронов А.П.; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. Москва, 2000. 180 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalnyi-kostyum-tsentralnoi-rusi-v-period-formirovaniya-edinogo-rossiiskogo-gosudarstva> (дата обращения: 23.02.2026).

10. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века // Электронная библиотека УрФУ: [сайт]. URL: <https://book.uraic.ru/elib/authors/nefedov/science/Russia/Mono/index.html> (дата обращения: 23.02.2026).

11. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа): учеб. пособие для вузов / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: КноРус, 2021. 268 с. (Бакалавриат и магистратура). URL: http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2017/11/НУРЕЕВ_Экономич-история-России_первая-глава.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

12. Прохоров Г.М. Умственный мир человека Древней Руси // Вестник славянских культур. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umstvennyy-mir-cheloveka-drevney-rusi> (дата обращения: 23.02.2026).

13. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города (X–начало XIX в.). Москва: Наука, 1976. 320 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/2rab/ino/vich/1.htm> (дата обращения: 23.02.2026).

14. Рыбаков Б.А. (ред.). Древняя Русь. Быт и культура: [археол. ист. очерки]. Москва: Наука, 1997. 383 с. (Археология СССР). URL: https://archive.org/details/quot_Drevnyaya_Rus_Byt_i_Kultura_quot_B_A_Rybakov/page/n25/mode/2up (дата обращения: 23.02.2026).

15. Рыбаков Б.А. (ред.). Очерки русской культуры XVIII века. Часть первая. Москва: Изд-во МГУ, 1985. 272 с. URL: https://statehistory.ru/books/podred--B-A--Rybakova_Ocherki-russkoy-kultury-XVIII-veka--CHast-pervaya-/18 (дата обращения: 23.02.2026).

16. Степанова Л.Г. Традиционное питание русского крестьянина в XVI в. и резервные источники его пополнения // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnoe-pitanie-russkogo-krestyanina-v-xvi-v-i-rezervnye-istochniki-ego-popolneniya> (дата обращения: 23.02.2026).

17. Судебник 1497 г. / сост. под ред. В.О. Ключевского. [Б. м.: б. и.], 1497 (репр. изд. 1908). 21 с. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497> (дата обращения: 23.02.2026).

18. Судебник 1550 г. / сост. под ред. Ивана IV Грозного; подгот. НИУ ВШЭ. [Б. м.: б. и.], 1550 (репр. изд.). 35 с. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550> (дата обращения: 23.02.2026).

19. Усачев А.С. «Старость глубокая» в XIV–XV в.: демографические реалии и их восприятие современниками // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 58–65. URL: <https://xn----7sbfxda1bemgms0a5lh.xn--p1ai/index.php/stati/6971-prodolzhitelnost-zhizni-na-rusi-v-srednie-veka> (дата обращения: 23.02.2026).

20. Хайдаров Т.Ф. Новгородский мор «Лета 6925-6928» // Палеороссия. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novgorodskiy-mor-leta-6925-6928> (дата обращения: 23.02.2026).

21. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI – начала XVIII века. Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. 368 с. URL: <https://inslav.ru/publication/shveykovskaya-e-n-russkiy-krestyanin-v-dome-i-mire-severnaya-derevnya-konca-xvi-nachala> (дата обращения: 23.02.2026).